

18+

СВЕТЛАНА МОЛЧАНОВА

ПАДШИЙ

Кто угодно, только не он.

Светлана Молчанова

Падший. Кто

угодно, только не он

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73481278

ISBN 9785006942868

Аннотация

Она боялась его больше всего на свете, пока не поняла, что именно он – её единственный защитник. Мир Нины делится на «до» и «после». Он странный парень, в котором сочетается холодный, будоражащий душу ледяной взгляд и забота. Их тянет друг к другу незримой нитью, но законы высших сил неумолимы, такая связь – смертельный приговор для них обоих. Чтобы сохранить друг друга, им предстоит пройти между жерновами великой борьбы, где цена ошибки – душа. Удастся ли им выдержать это испытание?

Содержание

От автора	5
Пролог	6
Глава 1	11
Глава 2	19
Глава 3	29
Глава 4	41
Глава 5	48
Глава 6	52
Глава 7	57
Глава 8	63
Глава 9	70
Глава 10	80
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Падший. Кто угодно, только не он

Светлана Молчанова

*«Даже самая тёмная душа может найти путь
к свету».*

© Светлана Молчанова, 2026

ISBN 978-5-0069-4286-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

В память о муже, который всегда был моей поддержкой и опорой.

Благодарю всех, кто вдохновлял меня. Моих родителей, которые сделали мне самый ценный подарок – жизнь. Моему брату, за то, что он всегда рядом.

Хочется верить, что кому-то эта история даст новый стимул – стремиться к свету.

Пролог

Огонь был повсюду. Он жадно пожирал некогда жёлтые обои, рыча, как дикий зверь. Коричневые атласные шторы скручивались и таяли от жара. Оранжевые языки яростно лизали мебель, и воздух плыл маревом.

В дальнем углу этой преисподней, под столом, в маленький комочек сжалась девочка. Она сама загнала себя в ловушку.

Так страшно... Жарко...

С каждым коротким вдохом в лёгкие вливался кипяток. Всё внутри горело. Кашель душил, царапая обожжённое горло. Страх сковал тельце – она не могла пошевелиться, лишь крошечные пальчики теребили оборку платья.

Голова кружилась. Комната расплывалась – то ли от слёз, то ли от едкого дыма. Она попыталась крикнуть и снова закашлялась, выворачиваясь наизнанку.

Как же печёт кожу...

Тонкие волосы на её голове плавились, съёживались в чёрные спиральки.

«Мама... Мамочка, спаси... Мне так страшно...» – беззвучно шевелились её губы.

Но она была одна. Совсем одна. Огонь рычал, медленно и непреклонно приближаясь. Этот хищник был уверен в своей добыче.

С громким хлопком взорвалось оконное стекло, осыпав осколками улицу. Сквозь гул пламени донеслись звуки sireны.

Пожарные! – Сердце ёкнуло слабой надеждой. Малышка замерла, впиваясь взглядом в дверь.

Но с притоком воздуха пламя взревело с новой силой, рванувшись вперёд яростной волной. Скатерть на столе вспыхнула и осыпалась на пол горящим дождём, едва не коснувшись её ножек. Девочка вжалась в стену, но и там обои уже дымились, покрываясь чёрными язвами.

Невыносимо...

Жжение на хрупких плечиках усиливались. Кожа краснела, покрываясь волдырями. Она пыталась вдохнуть, но в лёгкие врвался только раскалённый удушливый газ.

И всё же она надеялась. *Кто-нибудь... Обязательно!*

Мама говорила: «У каждого есть ангел-хранитель. Он приходит, если очень попросить».

Теряя сознание, она сложила кулачки под подбородком, как учила мама, и, сбиваясь от кашля, зашептала:

– Боже... прошу, спаси... Пошли мне ангела... я не хочу умирать... Ангел, ты слышишь? Я жду... спаси...

Из последних сил она приоткрыла веки. Вокруг бушевало пламя, сжимаясь огненным кольцом. Воздух плыл и мерцал от жара. Яркие всполохи ползли по ножкам стола, и дерево с жутким треском начало оседать. Ещё секунда – и он рухнет на неё.

Вдруг сквозь пелену слёз, она что-то увидела.

Мужчина. Он шагал к ней сквозь пламя. «Пожарный!» — обрадовалось сердце. Но нет... на нём не было спецодежды, только тёмно-серый костюм и чёрные лаковые ботинки, от которых, как от зеркала, отражался огонь. Пламя с шипением расступалось перед ним, не смея коснуться.

Завороженная, она смотрела, как он приближается и останавливается перед столом. Жар внезапно отступил, будто напавшись на невидимую стену. Мужчина присел на корточки, и из-под обугленной столешницы на неё взглянуло лицо, с тёмно-каштановыми, почти сине-чёрными волосами.

Он протянул ладонь. Девочка, зачарованная, вложила в неё свою крошечную, испачканную сажей ручку. Одним движением он выдернул её из-под стола и подхватил на руки. Огонь, с рёвом набрасываясь на опустевшую ловушку, превратил стол в грудку углей.

Малышка доверчиво обвила ручками его шею, зарылась лицом в прохладные волосы и всхлипнула. В этот миг он был для неё всем — самым близким, самым родным. Сильные руки прижали её к груди. И в её глазах потемнело.

Она пришла в себя на лавочке в соседнем дворе. Кругом никого. Проворно прыгнув, она побежала к дому. Камешки впивались в босые ступни, ожоги горели на весеннем ветру, но она бежала, не останавливаясь.

За углом дома её ждала картина ада: толпа зевак, две по-

жарные машины и «скорая» с мигалками. Мощные струи пены влетали в окна её квартиры на третьем этаже. Из оконных проёмов, валил чёрный, непроглядный дым.

Визжали сирены, слышались крики. И вдруг этот шум прекрыл жуткий, раздирающий вопль:

– Не-е-ет! НИНА!

Девочка замерла. Это кричала мама. Её голос был искажён мукой и бессилием. Нину будто подтолкнули.

Она рванулась вперёд, выкрикивая:

– Мама! Мамочка, я здесь!

Но её осипший голосок потонул в общем гуле. Никто не замечал хрупкую фигурку, бегущую через двор.

В горле встал ком. Слезы душили, ручейками сбегая в рот. Она падала, поднималась и снова бежала, смахивая ладонью размазанную по щекам копоть.

– МАМА! – заверещала она уже не своим голосом, отчаянным визгом.

Женщина замерла, резко развернувшись. Её взгляд метнулся по двору, нашёл дочь – она вырвалась из рук пожарных и, спотыкаясь, побежала к ней.

Колени матери подкосились. Она рухнула на траву, обхватывая девочку так, будто хотела вобрать в себя. Руки мягко, боязливо скользнули по спекшимся волосам, по обожжённой спине. Она рыдала, затем начинала смеяться сквозь слёзы, не веря, что держит своё дитя живым.

– Ниночка... девочка моя... Ты цела...

Она слегка отстранила дочь, сжала её щёки ладонями, заглянула в глаза.

– Как ты... Ничего не болит?

Малышка храбро покачала головой.

Конечно, болело всё. Но сейчас, когда мама рядом, было уже не страшно. Она не хотела пугать её сильнее.

– Я в порядке, мама, – прохрипела Нина.

– Господи... как же ты выбралась? Я думала, ты...

– Меня спас ангел, – просипела девочка, снова прижимаясь к ней.

– Ангел... – вздохнула мама, покрывая её лицо лёгкими, быстрыми поцелуями.

«Наверное, пожарный всё-таки успел... Хотя, как она оказалась здесь, одна?... Да какая разница, она жива!»

Мама медленно поднялась, подхватила Нину на руки и, пошатываясь, понесла к машине «скорой». Маленькие ручки крепко обхватили её шею.

– Спасибо тебе, мой ангел, – одними губами пробормотала Нина, уткнувшись в мамину шею. Она очень надеялась, что он услышит.

Глава 1

10 лет спустя.

– Нина Ивлева, ты опять в облаках? – строгий голос учительницы выдернул девушку из размышлений.

– Простите, – заикаясь, отозвалась она и медленно поднялась, выпрямившись у парты.

Её глаза в растерянности скользнули по насмешливым лицам одноклассников, а мозг лихорадочно пытался сообразить, что она упустила. Опять.

– Нина, ты вообще-то на уроке! – тяжело вздохнула Виолетта Степановна. – Я только что задала вопрос: какие существуют виды мутаций, по их влиянию на организм? – терпеливо повторила она.

Учительница уже не раз ловила эту ученицу в состоянии «выпадения из реальности», как она это называла. Однако, поскольку по её предмету Нина всегда знала материал на «отлично», она относилась к ней с терпением.

– А... мутации... – поспешно начала Нина, пытаясь выудить из памяти вчерашний вечер и страницы учебника. Её мозг лихорадочно перебирал зрительные образы – она никогда не заучивала текст, а просто «фотографировала» страницу взглядом и при необходимости воспроизводила её в памяти. – Мутации бывают вредные, полезные и нейтральные.

Виолетта Степановна согласно закивала, от чего её рыжие кудряшки весело заплясали, как пружинки.

– И какие мутации встречаются чаще: вредные или полезные? – продолжила она.

– Чаще всего встречаются мутации нейтральные или вредные. Вероятность случайной полезной мутации очень мала, – почти дословно процитировала Нина строчку из учебника.

Учительница снова одобрительно кивнула и проговорила:

– Хорошо, Нина. Садись. И будь внимательнее на уроке.

– Чокнутая, – злобно зашипела Ольга Серебрякова, с соседней парты.

Одноклассники недолюбливали Нину. В этом маленьком обществе она была изгоем. В школе она всегда была одна, – как, впрочем, и дома. Она уже не хотела друзей. Слишком больно было чувствовать предательство и насмешки от тех, кого раньше таковыми считала. А раз так – то лучше никого к себе не подпускать. Она давно отгородилась от людей, и одиночество её больше не тяготило.

Буллинг в школьной среде стал обыденностью – тихим вирусом, поражающим подростковое общество. Все знали, что это такое, но старались не замечать, тихо радуясь, когда жертвой становился кто-то другой. В этом классе «неудобным элементом» была она, Нина. Поначалу девочка не понимала, что сделала не так, из-за чего к ней начали цепляться. А потом стало поздно что-то менять...

Виолетта Степановна задала классу очередной вопрос,

но Нина в который раз его прослушала. Да и какая разница – всё равно её сегодня больше не спросят.

Этим утром девушка чувствовала себя особенно рассеянной. *«Видимо весна всему виной»* – подумала она. Подперев подбородок ладонью, Нина уставилась в окно. На берёзах нежно зеленели листочки, лёгкий ветерок покачивал тонкие свисающие ветви. Солнечный свет заливал класс, согревая и расслабляя. Она сощурилась, чтобы свет не слепил глаза.

Она тихо завидовала прохожим – сейчас они дышали свежим весенним воздухом, а не сидели в этой душной коробке. На карнизе за окном уселся воробей, чирикнул, попрыгал на тонких лапках и, восторженно взлетев, улетел. Ему она тоже завидовала.

Послышалась весёлая трель звонка. Ученики сразу засобирались, бурно радуясь грядущей перемене. И только у Нины в животе возникло знакомое щемящее чувство.

– Звонок – не для вас, а для учителя! – строго проговорила Виолетта Степановна, – Итак, записываем задание на дом...

Продиктовав номер параграфа, она зажала под мышкой журнал и неторопливо покинула класс. В воздухе повисла та напряжённая тишина, что всегда наступает на секунду между уходом взрослого и началом хаоса.

Нина быстро черкнула в дневнике задание, поднялась и с показным спокойствием стала складывать в сумку учебники.

– Эй, тронутая зубрила, опять ворон считаешь? – Егор Сидоров, проходя мимо, толкнул её плечом.

От удара пенал выскользнул у неё из рук и рассыпался по полу. Тяжело вздохнув, Нина присела и начала собирать карандаши. Резинка закатилась далеко под парту – пришлось на четвереньках тянуться за ней под оглушительный хохот одноклассников. Наконец всё было собрано. Она сунула пенал в сумку, перекинула ремешок через плечо и молча направилась к двери. *Вроде уже взрослые люди...*

– Ненормальная! – бросили ей вслед, и смех снова покапал по классу.

В коридорах стоял привычный для перемены хаос. Ученики средних классов орали, носились и швырялись друг в друга насквозь пропитанными мелом тряпками. Замри она хоть на секунду – и большое белое пятно на одежде было бы гарантировано. Нина, сгорбившись, постаралась проскочить это поле боя и укрыться в своём убежище – на запасной лестнице, между последним этажом и крышей. Перемена – пятнадцать минут. Десять из них она точно сможет побыть одна.

Выйдя на лестничную клетку, она поднялась на несколько ступеней и присела на корточки, прижавшись спиной к холодной бетонной стене. Здесь её не трогали. Здесь она оставалась наедине со своими мыслями, подальше от насмешливых взглядов. Прижав подбородок к коленям, она устало смотрела в окно.

В начальной школе у Нины были подруги. Они вместе иг-

рали, гуляли. Но с переходом в пятый класс всё внезапно изменилось. Её стали избегать. При её приближении разговоры затихали, сменяясь шёпотом и взглядами, которые тут же прятали. Она долго не могла понять, в чём дело. А когда попыталась разобраться – было уже поздно. Она стала парией – клеткой, отвергнутой организмом класса, подлежащей изоляции. И самое страшное: инициатором этой тихой обструкции стала Вероника Маянская, её лучшая подруга, с которой они с первого класса были не разлей вода.

Нина обращалась к учителям. Взрослые отмахивались, называя ее впечатлительной. «Разве может такая хорошая девочка, как Вероника, травить тебя? Ты все надумываешь!» Ей не делали больно физически, не загоняли в тёмный угол. Просто изо дня в день вёлся тихий геноцид её личности.

Кличка «тронутая», прилипла к ней, как второе имя. «Случайные» толчки в коридоре стали обыденностью. Внезапный взрыв смеха за спиной вызывал жуткий, леденящий душу трепет. Открытые оскорбления одних и молчаливое потворство других превратились в ежедневный ритуал. Если им удавалось довести Нину до слёз – это считалось их триумфом, и порождало новую волну насмешек.

Она пыталась сопротивляться, но это выходило боком только ей. Свидетелей, подтверждавших, что зачинщиком была Нина Ивлева, всегда находилось большинство. А на её стороне не было никого. Учителя предпочитали не вмешиваться в «подростковые разборки».

Она пыталась уговорить маму перевести её в другую школу, но та лишь отрезала: «Учись постоять за себя. Не позволяй, давай сдачи!». Однажды мать всё же пришла в школу – возмущённая синяками, ссадинами и тем, что дочь плачет, закрывшись в комнате. После этого визита стало только хуже. Одноклассники тогда жёстко избили Нину и пригрозили: если мать снова придёт, они «сами с собой покончат», и виноватой окажется она.

Тогда Нина окончательно захлопнулась. Перестала разговаривать, на все вопросы отвечала: «не знаю». Нелюдность крепла, обрастая панцирем. Она научилась быть невидимкой. Так было проще.

С тех пор прошло пять лет. Девушка с отчаянием и надеждой ждала окончания школы. Осталось потерпеть всего год. Сейчас середина апреля, последняя четверть. Скоро закончатся уроки – и наступят долгожданные, тихие каникулы.

За окном по ярко-голубому небу плыли редкие облака. Солнечные лучи будоражили птиц, и те выводили радостные трели. Нина любила наблюдать, как меняется погода. Весной с каждым днём мир становился зеленее. Снег таял, на деревьях набухали, а потом и лопались почки, выпуская свежие листочки. Сначала берёзки стояли, окутанные зелёной дымкой, а не успеешь оглянуться – они уже шумят миллионом сочных листьев. Природа пробуждалась, наполняясь красками, звуками и запахами.

Дома, когда шёл дождь, она забиралась на подоконник

в своей комнате и могла часами смотреть на косые струи, мерно падающие с неба. Она много читала, особенно романы. Нина никогда не ходила на дискотеки, не тусовалась допоздна. Мама называла её затворницей и советовала: «Погуляй, пока молодая!». Нина не спорила. Она и сама всё понимала, но не могла сблизиться ни с кем – боялась. А потому по привычке, ставшей второй кожей, продолжала вести замкнутый образ жизни. Ей было проще наедине с собой.

Перемена подходила к концу. Нина зашла в туалет на другом этаже – подальше от одноклассников. Ополоснула лицо холодной водой и взглянула в треснутое зеркало над раковиной.

Самые обычные серо-зелёные глаза с длинными тёмными ресницами. Негустые светло-русые волосы, собранные в хвост. Небольшой прямой нос, чуть сдвинутые нежно-розовые, слегка пухлые губы без намёка на помаду. На фоне одноклассниц, тайком пользующихся косметикой, она выглядела неприметной серой мышкой. *И это хорошо*, – подумала она. Она всеми силами старалась не привлекать к себе внимания. Пригладив выбившиеся волосы, девушка вздохнула, собралась с духом и направилась на следующий урок.

На последнем уроке Ирина Викторовна, учительница истории и их классный руководитель, напомнила о поездке в Ярославль в субботу. Она так хотела показать ученикам город, в котором сама родилась и выросла, что в голосе её

звучала почти мольба: «Откликнитесь, ребята, поезжайте!»

Все уже согласились. Не определилась только Нина. Стоит ли? В поездке её ждала та же роль: в лучшем случае – невидимки, в худшем – мишени. Она давно привыкла. Другого и не ждала. Но легче от этого не становилось. Каждый раз было больно. Теперь она стояла перед выбором: спрятаться или увидеть новый город. Спрятаться – безопасно. Увидеть – страшно, но так интересно.

Глава 2

Неделя пролетела быстро. Дорога до Ярославля – не больше часа на автобусе. Нина подошла к школьному крыльцу одной из последних, надеясь, что ребята, увлечённые общением, её не заметят. Ирина Викторовна сегодня выглядела моложе обычного, более раскованная: вместо строгого костюма на ней были голубые джинсы и уютный бежевый свитер. На щеках учительницы горел румянец – она только что поняла, что собрался весь класс.

Все девчонки оделись практично – в джинсы. Все, кроме Вероники Маянской. Та, как всегда, думала не о комфорте, а о том, как покрасоваться. Сегодня на ней была короткая юбка,ставлявшая напоказ длинные ноги, и белый облегающий пуловер, подчёркивающий все округлости. Светлые локоны обрамляли маленькое личико с большими голубыми глазами и густыми ресницами, обильно покрытыми тушью. Алые губы сверкали от блеска. Разумеется, эта эффектная блондинка была в центре всеобщего внимания.

«Отлично, – с облегчением подумала Нина. – Сейчас всем не до меня».

Она надеялась, что так останется до конца поездки.

Нина тоже была в тёмно-синих джинсах и свитере болотно-зелёного цвета, который связала ей мама. На плечах висел небольшой рюкзачок, где лежали бутылка с водой, па-

ра бутербродов и кошелёк. В боковом кармашке – телефон и старый плеер с наушниками. В руке она сжимала свёрнутую куртку – на всякий случай. Дождя по прогнозу не обещали, но к вечеру станет холодно.

Послышался мерный шум двигателя: к школьным воротам подъехал большой туристический автобус. Ирина Викторовна собрала ребят, пересчитала их по головам и первая поднялась по ступенькам. Когда зашла Нина, все места у окон уже были заняты. Одноклассники, как всегда, разбились по парам. Она, стараясь остаться незамеченной, дошла до конца салона и опустилась в кресло у окна в самом последнем ряду. С тихим шипением двери закрылись.

В динамиках прозвучал голос учительницы:

– Так, ребята, пристёгивайте ремни, мы выезжаем. Во время поездки попрошу не бегать по салону и не отвлекать водителя.

Автобус дрогнул и тронулся с места, а гул голосов окончательно заполнил салон. Мальчишки громко перекрикивались, девочки звонко хихикали. Нина послушно пристегнула ремень, вытянула из кармашка запутавшиеся провода наушников и плеер. Распутав узелки, она вставила динамики в уши, откинулась на сиденье и, включив музыку, закрыла глаза.

Кто-то тряс её за плечо. Нина открыла сонные глаза, не сразу сообразив, где находится. Над ней нависало лицо

Ирины Викторовны.

– Ивлева, просыпайся! Мы приехали. Все уже вышли, ждут только тебя, – учительница улыбнулась, но в её глазах читалось нетерпение.

О нет! Только не это!

Девушка подскочила, но тут же рывком уселась обратно – её удержал пристегнутый ремень. Краска залила лицо. Отстегнувшись, она поднялась и, опустив голову, поплелась по проходу за учительницей.

Вот и всё. Все ждут её. Все смотрят.

Теперь ей предстояло выйти на виду у всего класса. Надежда остаться незаметной рухнула в одно мгновение.

Едва Ирина Викторовна отошла за экскурсоводом, раздался тонкий, язвительный голос:

– Тронутая... Вечно тормозит! Из-за неё время теряем.

Это была Вероника Маянская. Красивая, но самая злобная из всех, кого знала Нина. Она всегда задавала тон, а другие с готовностью подхватывали.

– Да, странная она какая-то, – поддакнул кто-то.

– Зачем её будили? Пусть бы дрыхла до вечера в автобусе, – это уже голос Попова.

– Кто её вообще позвал? Непонятно.

– Похоже, эта дура до сих пор не поняла, что её тут не ждут.

– Просто издевается над нами.

– Видеть не могу её выпученные глаза!

Гул нарастал, каждый старался внести свою лепту в общее унижение. Вероника сияла, наслаждаясь спектаклем.

Нина съёжилась. Молчала, пытаясь внушить себе, что всё это происходит не с ней. Но это не сработало. Кто-то, видя, что слова не производят должного эффекта, резко толкнул её в спину.

– Эй, тронутая! Курица глухая? К тебе обращаются!

– Да, слышишь? – уже злобно шипела Вероника, надвигаясь на неё.

Нина попятилась, пытаясь отступить, но запнулась за ловко подставленную Поповым подножку и рухнула на асфальт.

Ладони обожгло, но боль от содранной кожи была ничем, по сравнению с всепоглощающим стыдом. Девушка изо всех сил сконцентрировалась на одном – не заплакать. Особенно сейчас, когда над ней уже потешались, тыча пальцами.

– Вот тут тебе самое место! Лучше и не вставай!

Кто-то резко зашикал, и от Нины мгновенно отвернулись. Значит, возвращается Ирина Викторовна – при классной издеваться никто не рискнет.

Нина поднялась, взглянув на ладони. Левая пострадала сильнее: кожа ободрана, проступила кровь. Хорошо, что в кармане был носовой платок. Она быстро обернула им рану и сжала кулак. Правой рукой стряхнула пыль с одежды.

– Ребята. Внимание! – прозвучал голос учительницы.

На Нину больше не смотрели. Миссия выполнена. Удовлетворённые, одноклассники выстроились за гидом – худо-

щавой женщиной лет сорока. Нина пристроилась в самом хвосте группы, куда слова экскурсовода долетали едва слышно. Она постаралась отойти чуть в сторону, чтобы никого не задеть.

– Сейчас мы находимся у стен Спасо-Преображенского монастыря, который часто называют Ярославским кремлём. Однако настоящий Ярославский кремль, ранее именуемый Рубленным городом, располагался на Стрелке – месте слияния рек: Волги и Которосли. Именно там и было положено основание Ярославлю. К Стрелке мы подойдем ближе к концу экскурсии...

Голос гида был неторопливым, тягучим, и очень приятным. Она прекрасно знала город, щедро делаясь интересными фактами, и сама явно получала удовольствие от рассказа.

Они гуляли по мощёным улочкам, побывали у Нулевого километра Золотого кольца и во многих других местах, дышащих древностью. Нина зашла в маленькую сувенирную лавку и купила деревянную подковку на магните с видом города – повесить дома на холодильник. Несмотря на унижение в начале, её охватывало лёгкое, почти забытое чувство воодушевления. Она была рада, что решилась поехать.

Около двух часов дня группа пообедала в небольшой столовой и направилась к конечной точке маршрута – Стрелке. Автобус подъехал к стенам Успенского собора. После короткого рассказа они вышли на набережную и остановились на верхнем ярусе. Внизу, залитая солнцем, раскинулась зе-

лёная панорама парка с фонтанами.

Недовольное бурчание уставших одноклассников разом стихло, словно у них открылось второе дыхание. В ландшафтном парке прогуливались семьи с детьми, катались на роликах и велосипедах.

Ирина Викторовна разрешила всем разойтись на час, строго наказав собраться у автобуса к назначенному времени для отправления в Кострому.

Кострома, где родилась и выросла Нина, для остальных – просто тихий провинциальный городок, пусть и областной центр, – та самая «Душа России». Но для неё он никогда не сравнится ни с каким другим. Это – малая родина. Дом. Город со всей своей двойственностью: важный на карте, и бесконечно уютный, спокойный в обычной жизни. Он навсегда останется частичкой её сердца. И теперь, гуляя по нарядному, шумному Ярославлю, среди гармонии старины и современности, она с удивлением поняла, что уже скучает по дому. По своей тихой Костроме.

Одноклассники уже давно расселись по лавочкам, растярая уставшие ноги и уминая привезённые чипсы. Кто-то фотографировался на фоне реки. Нина не торопясь шагала вдоль набережной, наслаждаясь видом и редким, почти мирным одиночеством. Проходила вдоль пока ещё пустых, но ухоженных клумб, которые вскоре засадят цветами. Прохладный ветер с Волги, приносил ароматы влаги и свежести – словно она находилась сейчас не в чужом городе, а до-

ма, в Костроме.

Нина накинула куртку и остановилась, глядя на воду. Мелкая рябь, подёргивала зеркальную поверхность. Потом она, устало опустившись на лавочку, продолжила следить за неторопливым течением реки. Механически достала из рюкзака бутылку, отпила пару глотков и, забыв убрать, оставила её на коленях.

– Стой! Что ты несешь? Ты не можешь так поступить со мной! – с порывом ветра донеслись до неё гневные, срывающиеся на визг вопли.

Нина повернула голову в сторону звука и стала невольной свидетельницей ссоры. Стройная брюнетка догнала молодого человека и ухватила его за локоть. Тот остановился, резко обернулся.

– Отстань! Всё кончено, – почти прорычал он.

– Да ты... Я жалею, что вообще тебя встретила!

Парень внезапно схватил её за плечи и встряхнул. Нине даже показалось, что она слышит, как клацнули зубы девушки. *«Почему они так агрессивны? Кругом же люди...»* – мелькнуло у неё в голове. Молодые мамы, словно по команде, похватали малышей и поспешно отошли подальше.

Перепалка нарастала, слова становились все злее и пошлее.

– Хватит! Каждый останется при своём мнении. Не стоит тратить время! Ты меня достала! – сквозь стиснутые зубы процедил он, нависая, не отпуская её плеч. – Не представля-

ешь, какая ты прилипчивая. Как... пиявка.

– Это я прилипчивая?! Да ты... самодовольный болван! Думаешь, мне без тебя плохо будет? Да кому ты вообще нужен?!

– Не переживай, – крикнул он. – Я быстро найду другую! И фигурой, и мозгами получше тебя. А ты так и останешься облезлой кошкой.

Девушка задохнулась от обиды, всхлипнула и, резко вырвав руку, ударила его наотмашь. Звук пощечины прокатился по набережной, как оглушительный выстрел. Парень на миг остолбенел, а в следующую секунду в его глазах вспыхнула чистая ярость. Он затрясся всем телом, буравя её взглядом, и занес руку для ответного удара.

Девушка съёжилась, прикрываясь руками. Прохожие старательно отводили взгляд и ускоряли шаг. Никто не собирался вмешиваться.

Неподалеку от них стоял мужчина в деловом костюме. Он чем-то привлек внимание Нины – наверное, тем, что выбивался из общей массы. Пока все прятали взгляды, он неотрывно смотрел на ссорящуюся парочку. Но в его глазах светилось не осуждение, и не желание помочь, а нечто иное... Поощрение? Нетерпеливое ожидание? Он улыбался, и всем своим видом выражал – ждал. Неужели этот мужчина ждал, когда парень её ударит? Такой ледяной, пронизывающей улыбки Нина ещё не видела. *«Но так не должно быть. Ни один мужчина не имеет права...»*

«Господи!» – подумала Нина и инстинктивно вскочила.

Бутылка с водой с глухим стуком упала и покатилась по асфальту. Мужчина в костюме резко повернул голову в её сторону. На таком расстоянии он никак не мог слышать звук падающего пластика, но, тем не менее, буквально впился в неё глазами. Нина застыла, не в силах отвести взгляд. Он был очень красив, насколько она успела разглядеть, но готова была поклясться, что на его лице внезапно застыло неподдельное удивление. Он слегка склонил голову на бок, продолжая буравить её взглядом, и это вызывало странный, леденящий трепет. В полном замешательстве Нина продолжала таращиться на него в ответ.

Прошло всего лишь несколько мгновений – или гораздо больше. Вокруг стало звеняще тихо. «*Парень уже ударил девушку?*» – Нина перевела взгляд в их сторону.

Молодой человек с непониманием и безразличностью смотрел на собственную руку, всё ещё занесенную для удара, – сама эта поза была ему теперь противна. Затем медленно опустил её, разжал руки, отпуская девушку, и отступил на пару шагов. Та всхлипнула, развернулась и побежала прочь.

– Постой, Аня, ... Прости! ... – покаянно кричал он ей вслед.

Нина не понимала, что произошло. Почему всё так резко изменилось? Их поведение было очень странным... Она вернула взгляд на то место, где только что стоял странный мужчина. Пробежалась глазами по толпе – среди пестрых летних

нарядов не было ни одного темного пятна. Он будто растворился в воздухе.

Глава 3

Самое любимое время в любой поездке наступает тогда, когда возвращаешься домой. Даже если все вокруг восхищало и вызывало восторг. Особенно трудно оторваться от окна автобуса на подъезде к родному городу. Густые леса сменяются свежевспаханнкими полями, древние деревеньки с покосившимися домиками жмутся к обочине. С каждым километром дом всё ближе, а пейзаж за окном – всё роднее и знакомее. Какой бы интересной ни была поездка, возвращаться – невероятно приятно.

Всю обратную дорогу Нина размышляла о том, чему стала невольной свидетельницей. Та пара... Они вели себя так странно, словно ярость и ненависть внезапно захлестнули их с головой. Будто они вовсе не понимали, что находятся среди людей. Они ссорились так отчаянно, что не замечали никого вокруг.

И тот мужчина в костюме. Он стоял совсем рядом и пристально наблюдал – будто чего-то ждал. И стоило ему исчезнуть, как ссора сразу прекратилась. Всё это было очень, очень странно и никак не укладывалось в голове.

У школьных ворот Ирина Викторовна попрощалась со всеми, и ребята, разбившись на группы, стали расходиться по домам. Нина задумчиво, почти машинально побрела в свою сторону.

Вдруг она почувствовала на себе тяжелый, пристальный взгляд. Будто что-то прожигало ей спину между лопаток.

Она резко оглянулась. Мимо, громко смеясь, прошла компания незнакомых ребят в спортивных костюмах. Ничего подозрительного. Но необъяснимое, липкое чувство тревоги не исчезло, а лишь ещё плотнее сжалось внутри. По позвоночнику прокатилась неприятная дрожь.

«Успокойся, – строго приказала она себе, – бояться нечего. На улице светло, вокруг люди. Ты ходишь этой дорогой каждый день».

Но сегодня было не так. Сегодня ей было не по себе.

Нина снова, украдкой, оглянулась. По дороге медленно шли две женщины, о чем-то тихо беседуя. А справа, облокотившись на ствол дерева и скрестив руки на груди, стоял мужчина в костюме. Тот самый.

Тот самый незнакомец, из Ярославля. Мысли о котором не давали ей покоя всю обратную дорогу.

Нина вздрогнула и замерла, уставившись на него. Сердце глухо и тяжело бухнуло в грудную клетку. Нет. Не может быть. Кто угодно, только не он.

«Стоп. Не паникуй, – отчаянно зашептала она про себя. – У тебя мания преследования? Это просто совпадение. Он тоже мог быть на экскурсии. Может он тут живёт...»

Мужчина медленно, будто нехотя, оттолкнулся от дерева и сделал шаг в её сторону.

Всё. Разум отключился, сработали ноги. Нина резко от-

вернулась и зашагала, почти не чувствуя под собой асфальта. Шаг ускорился. Ещё. Ещё. Страх не отступал, а накатывал новыми ледяными волнами, подгоняя, требуя бежать. И вот она уже бежала, срываясь на рысь, неслась что есть сил.

А позади, сквозь шум крови в висках, ей казалось, будто слышится низкий, пробирающий до костей смех.

Добежав до угла своего дома, Нина остановилась и, согнувшись, уперлась ладонями в колени. Она тяжело дышала, и прохладный воздух царапал горло. По спине струился холодный пот. Она оглянулась. Никого. Дорога была пуста. Девушка доплелась до подъезда и тяжело опустилась на лавочку.

«Нельзя сейчас показываться маме – с такими глазами и с такой одышкой». Взглянула на экран телефона: семь часов. Посидеть пару минут, отдышаться, и можно идти.

Но руки мелко дрожали. Пальцы непроизвольно сжимались в кулаки. По спине снова пробежал холодок, и дыхание никак не выравнивалось.

«Все хорошо, – уговаривала она себя, закрыв глаза. – Успокойся, ну же успокойся...»

Рядом кто-то остановился.

Сначала она почувствовала волну тепла, и только потом увидела перед собой красивые черные ботинки, носками направленные прямо на неё.

Нина медленно подняла голову и встретила взглядом

с глазами незнакомца. *«Значит, не ошиблась. Он действительно преследовал её!»* Но зачем? И как? Ведь мгновение назад дорога была абсолютно пуста! Дикий, животный страх спазмом сжал её горло. Она открыла рот, хотела закричать, но не смогла издать ни звука. Раньше она видела его издали, и этого хватало, чтобы пробрало до жути. Теперь, когда он был так близко...

Она резко сглотнула, но легче не стало.

Вблизи этот мужчина показался гораздо моложе, чем виделось издали, скорее её ровесник, и был потрясающе красив. Тёмно-каштановые волосы были небрежно уложены, длинная чёлка падала на глаза, скрывая широкий лоб. Отточенная линия подбородка и широкие скулы придавали лицу мужественность. Прямой нос, мягкие, завораживающие губы. А его глаза в свете наступающих сумерек казались бездонными – антрацитово-чёрными без единого блика.

Нина застыла, не в силах пошевелиться. *«Что сидишь, дура? Беги!»* – вопил внутренний голос. Но девушка, словно парализованная, продолжала смотреть на него.

– Так вот где ты живёшь? – прозвучал обволакивающий, тёплый баритон.

Дрожь прокатилась от макушки до кончиков пальцев ног. Его присутствие действовало гипнотически, лишая воли. Нина не могла отвести взгляд от его губ. *«Он что-то сказал?»* Голова кружилась. Что с ней творится?

– Дыши, – проговорили эти губы, растягиваясь в насмеш-

ливой улыбке.

Она шумно вдохнула. Оказывается, на какое-то время она и правда забыла, как это — дышать. С воздухом в сознание ворвалась реальность: она одна, в темнеющем дворе, с незнакомцем, который её преследовал. Паника накрыла с новой, сокрушительной силой.

— К-кто вы? — стуча зубами, пролепетала она.

Парень пожал плечами и опустился на лавочку рядом. Нина замерла. От него исходил жар — плотный, почти физический. *«Надо бежать! Кричать!»* — стучало в висках, но тело не слушалось. Разум понимал: нужно рвануть в подъезд, захлопнуть дверь. Но страх сковал ноги. Она нервно сплела пальцы и отвела взгляд. У соседнего подъезда зажегся фонарь, разгоняя быстрые сумерки.

Воцарилась гнетущая тишина. Постепенно страх начал отступать — особенно если не смотреть ему в глаза. Поэтому Нина уставилась на глянец его чёрных ботинок.

— Боишься меня? — внезапно спросил он.

Она вздрогнула и кивнула, продолжая ломать пальцы. Девушку била дрожь — от холода и страха, но в основном, конечно, от страха. Она слишком хорошо помнила его лицо на ярославской набережной: ледяную улыбку, жестокий, пугающий взгляд.

Внезапно в сознании всплыл яркий, отвратительный образ: он зажимает ей рот ладонью и тащит в ближайшую рощу. Что он будет делать там, она боялась даже представить.

В сгущающихся сумерках, даже если кто-то увидит, их наверняка примут за ссорящуюся парочку. Никто не вмешается.

Нина прекрасно знала, как ведут себя люди. Даже при свете дня, даже в толпе. Ни один человек не заступился за ту девушку в Ярославле. Значит, за неё и подавно никто не стоит – особенно здесь, в тёмном, почти безлюдном дворе на окраине. Сейчас каждый думает только о себе. Заскочить в подъезд было страшно не меньше: там вообще могло никого не быть. Она-то точно знала, что замок на двери подвала сломан, а управляющая компания всё никак не чинит его.

Парень явно чувствовал её страх. Но почему он молчал? Непонимание того, что ему нужно, пугало Нину сильнее всего. Казалось, ещё немного – и она начнет дергаться на лавочке, как на электрическом стуле.

– Может и правильно. Тебе, в самом деле, стоит меня опасаться, – тихо произнес он.

Нина подняла взгляд на его лицо и снова задохнулась. Он смотрел куда-то вдаль, на освещенные окна соседнего дома. *Он хотел этими словами напугать её ещё сильнее?*

Странно, но сработало это иначе. Она немного успокоилась, перестала подскакивать, хотя жутко всё равно было до чёртиков.

На улице становилось всё темнее и холоднее. Даже среди толпы одноклассников, сбивавших её с ног, было не так страшно. А сейчас под окнами собственного дома, она ис-

пытывала дикий, всепоглощающий ужас. И в то же время не могла уйти.

Он молчал, будто забыл про её присутствие. *Неужели не понимает, что твориться у неё в голове? Или понимает и действует так намеренно?* Если он перестал обращать на неё внимания, нужно попытаться уйти. Нина встала.

– Уже уходишь? – спросил он так, будто они были давно знакомы.

– Домой пора. Мама ждёт, – тихо ответила девушка, стараясь, чтобы зубы не стучали.

– Посиди ещё немного, – проговорил он приказным тоном.

Он не пытался схватить её за руку, не удерживал – просто сказал. И она, словно марионетка, послушно опустилась на лавочку, плотнее запахнув куртку. Дрожь продолжала сотрясать замёрзшее тело. Или это всё ещё был страх? Трясущими руками она достала из кармана телефон. Половина восьмого. *Когда успело пройти столько времени?*

– Ты замёрзла? – бархатный баритон окутал её, заставляя сердце забиться сильнее.

– Нет, – визгливо соврала Нина, но зубы предательски стукнулись друг о друга.

Он снял пиджак и набросил ей на плечи. Его одежда была такой горячей, будто её только что прогладили утюгом. Жар чувствовался даже через куртку. Тепло окутало Нину, согревая и... успокаивая. Она чувствовала странное расслабле-

ние, сидя в темноте рядом с незнакомцем, который сам сказал, что его нужно бояться. *«Стоп! Это что – стокгольмский синдром? Нельзя расслабляться!»*

– Что вы здесь делаете? – рискнула спросить Нина. Голос прозвучал надрывно и хрипло.

– За тобой последовал, – произнес он с пугающей прямо-той.

– Из Ярославля? – в её голосе сквозило недоверие.

– Да.

Не стоило было на него смотреть. У Нины снова перехватило дыхание.

– Но почему?

– Из любопытства, – он пожал плечами.

Девушка растерялась, и отвела взгляд. *Абсурд! Какое любопытство заставляет ехать за человеком в другой город за восемьдесят пять километров?*

– Не понимаю ... – кажется, она произнесла это вслух.

– И не поймешь, – отрезал он, и в голосе впервые прозвучала грубость.

Он рассердился? Нина вновь замкнулась в себе. Желание убежать вспыхнуло с новой силой, но ноги всё ещё не слушались. Она боялась, что, поднявшись, рухнет на асфальт. *«Что могло вызвать такое любопытство?»* – вопрос вертелся на языке, но она не решалась его задать. Каждое её слово, казалось, злит его всё больше.

Он сложил руки на груди. От этого резкого движения Ни-

на инстинктивно отшатнулась, испуганно посмотрев на него. И зря. Зарекалась же ловить его взгляд...

Его антрацитовые глаза были прикованы к ней, и она начала тонуть в этой черной бездне. Казалось, они затягивали её, всасывали сознание. Она погружалась в бездонный омут, задыхалась, полностью забывая, где находится. Теряла чувство реальности и времени.

Парень щёлкнул пальцами прямо перед её лицом. Нина вздрогнула и очнулась, тут же отвела глаза, уставившись на собственные руки. Пальцы судорожно мяли телефон.

Резкий рингтон заставил её подскочить на месте. Телефон выскользнул из рук и непременно разбился бы об асфальт, но незнакомец ловко подхватил его на лету. Он взглянул на экран. Там горело имя: МАМА.

Он вложил вибрирующий аппарат в дрожащие руки Нины. Она провела подушечкой пальца по зеленой иконке и поднесла телефон к уху.

– Нина, ты где? Уже поздно, я волнуюсь! – встревоженно произнес голос в трубке.

– Я у подъезда, мам. Скоро буду, – ответила она, не сводя глаз с незнакомца и наблюдая за его реакцией. Ни один мускул не дрогнул на его каменном лице.

– Всё, вижу тебя. Не засиживайся, холодно уже, – проговорила мама.

Нина подняла голову и посмотрела на балкон третьего этажа. Мама стояла у перил, прижимая телефон к уху. Де-

вушка помахала рукой, и та, кивнув, скрылась в комнате. В трубке слышались короткие гудки.

«Если он всё ещё планирует меня похитить, то мама его видела. Хоть это должно остановить его» – мелькнула мысль. Но было странно: мама даже не спросила, кто рядом.

– Всё, мне пора, – проговорила Нина.

– Знаю, – коротко кивнул он.

Прошло ещё минуты две, но она по-прежнему сидела на месте. Огромным усилием воли Нина заставила себя встать и спокойно направиться к крыльцу, изо всех сил стараясь не бежать. Незнакомец проводил её взглядом, но даже не попытался остановить.

Она поднялась на две ступеньки и вдруг испытала страх другого рода... Что если она больше никогда его не увидит? Чувство облегчения смешалось с необъяснимой, щемящей утратой. Это было так странно и так не похоже на неё.

– Нина... значит! – тихо произнес он.

От звука своего имени в его исполнении её передернуло. Она не говорила, как её зовут. *Наверное, услышал, когда мама звонила. Хороший динамик... Интересно, если он сейчас снова попросит её остаться, смогу ли я сказать «нет»?*

– Что? – Нина обернулась к нему, стоя на последней ступеньке.

В мгновение ока он оказался перед ней. Теперь их глаза были на одном уровне, и сердце Нины пропустило удар. *Передумал? Схватит?*

Он протянул руку. Девушка отшатнулась. На его губах заиграла язвительная ухмылка. *Кричать?*

– Пиджак, – произнёс он. Она услышала, но не сразу сообразила, о чём речь.

– А... да. Спасибо, – промямлила она.

Осторожно, будто это была змеиная кожа, она скинула с плеч уже остывший пиджак и протянула ему, совсем забыв, что была в его одежде. Озноб немедленно пробежал по телу. Но возможно, дело вовсе не в прохладе, а в его пронизывающем взгляде.

Он принял пиджак, слегка коснувшись её пальцев, и легко перекинул его через плечо. Нина повернулась и переступила порог подъезда.

– Мы ещё встретимся, – уверенно произнес он ей в спину.

Эти слова на мгновение оглушили её. Обещание? Угроза? Что это означает? Ничего не ответив, Нина быстро юркнула в подъезд. Дверь громко захлопнулась за спиной, подстегивая её.

В одно мгновение взлетев по лестнице на третий этаж, она распахнула дверь, скинула в прихожей кроссовки и крикнула:

– Мам, я дома!

Прямо в куртке она перебежала комнату и выскочила на балкон. Перегнувшись через перила, она отчаянно вглядывалась в темноту. Ни у подъезда, ни во дворе никого не было. Только сгущающаяся ночь.

Она шумно выдохнула, только сейчас поняв, что всё это время задерживала дыхание.

– Кого ищешь? – спросила мама, выглядывая из комнаты.

– Никого, – сбивчиво ответила Нина.

– Что ты там одна делала столько времени? Не замерзла? – спросила мать и, не дожидаясь ответа, направилась на кухню.

Нина проводила её взглядом. Ещё раз просканировала двор и дорогу. *Как быстро он ушёл... Точно как в Ярославле. Вот он есть, стоит, но стоит отвлечься – и его уже нет. Будто растворился в воздухе.*

И последние слова матери, наконец, докатились до её сознания.

– Одна? – удивленно переспросила она пустоту.

– Помой руки и садись ужинать! – донесся из кухни голос матери.

Как мама могла не заметить парня, который сидел рядом со мной? Он же был так близко! Если она видела меня, то должна была заметить его. Бред какой-то...

Глава 4

Выходные закончились слишком быстро. В понедельник первым уроком по расписанию была история. Звонок давно прозвенел, но Ирина Викторовна задерживалась. В классе стоял привычный гул: ученики обсуждали поездку в Ярославль, делились впечатлениями от выходных. Вероника, окружённая свитой, показывала фотографии на телефоне. На Нину, разумеется, никто не обращал внимания. *Вот и славно!* Она смотрела в окно. Небо сплошь затянуто тяжёлыми, низкими тучами – погода точно отражала её настроение.

Дверь распахнулась, и в класс вошла Ирина Викторовна. Все зашуршали, поворачиваясь к доске. Учительница прошла к столу, положила журнал и обвела класс строгим, но слегка взволнованным взглядом.

– Так, ребята, у меня важное объявление. С сегодняшнего дня к нам переводится новый ученик. Его зовут Дмитрий Семин. Прошу отнестись к нему по-дружески и помочь освоиться.

По классу пробежал возбуждённый шёпот. Перевод в самом конце учебного года, перед годовыми контрольными, – это было, как минимум, странно. Дверь снова открылась, притянув все взгляды.

– А вот и он, – улыбнулась Ирина Викторовна, жестом

приглашая кого-то войти.

Челюсть Нины отвисла. Сердце пропустило удар, а затем заколотилось с бешеной частотой. По спине пробежал знакомый леденящий холодок.

Этого не может быть. Кто угодно, только не он!

На новичке были серый джемпер и чёрные джинсы – не тот тёмный костюм, но она не могла ошибиться. В дверях стоял тот самый незнакомец. *Что он здесь делает?*

По классу прокатился сдержанный ах. Нина понимала, какую реакцию вызывает его внешность у девочек. Она и сама впервые была шокирована его неестественной, почти пугающей красотой. Он холодно окинул взглядом незнакомые лица и, заметив Нину, едва заметно сощурился. Взгляд будто пробравшийся сквозь время и пространство, на миг приковал её к месту.

– Дмитрий, проходи. Можешь занять свободное место за третьей партой у окна. После урока познакомишься с ребятами, – проговорила Ирина Викторовна.

– Хорошо, – его низкий, обволакивающий баритон вызвал новый вздох восхищения.

Третья парта у окна. Но это моя парта!

Мысль пронзила Нину, как ток. Конечно, только она сидела одна. Все предпочитали бы сгрудиться на задних рядах, лишь бы не делить с ней стол.

С каждым его шагом страх возвращался, накатывая новой, ещё более плотной волной. Сердце то бешено колоти-

лось, то замирало.

Что он здесь забыл? Его, правда, зовут Дмитрий? Вопросы оглушительным роем кружились в голове.

Он остановился у парты и окинул её безразличным, изучающим взглядом.

– Привет, – произнёс он тихо, и один только тембр его голоса вызвал у неё непроизвольную дрожь.

Да ну, нет. Он играет со мной? Не может же он перевестись в мою школу, чтобы и дальше преследовать меня?

Не дождавшись ответа, он молча опустил на стул и достал из сумки тетрадь. Ирина Викторовна о чём-то рассказывала у доски, но Нина не слышала ни слова. Она, разинув рот, не могла оторвать глаз от соседа.

Дмитрий снова наклонился к сумке и, не найдя того, что искал, закинул её под стол. Его взгляд поднялся и впился в неё. Эффект от его бездонных глаз при дневном свете не изменился – он по-прежнему казался входом в тёмную, лишённую дна пустоту. Нина судорожно вздохнула.

Он протянул руку – и она дернулась в сторону. *Только не сейчас. Не на глазах у всех.* Она не должна показывать свой страх.

Дмитрий, не меняя выражения лица, молча взял прямо из её руки пенал, вытряхнул ручку и так же беззвучно вернул его на место. Его пальцы на миг коснулись её ладони – прикосновение было обжигающе тёплым, даже горячим. Нина не смогла сдержать очередную волну дрожи. В ответ уго-

лок его губ дрогнул в едва уловимой, насмешливой ухмылке, и он отвернулся к доске.

За спиной злобно зашипела Ольга. Нина была уверена в одном: одноклассники не позволят новичку сблизиться с ней. Уже на перемене ему «доступно» всё объяснят.

«Держись от неё подальше, она тронутая». А тепло и участие с его стороны? Это исключено! Кто хоть раз заглянул в глаза этому человеку, понимал – от него можно ждать чего угодно, только не участия. Скорее всего, именно он сместит Веронику и станет новым лидером её травли. И, судя по всему, будет делать это с особенным, леденящим душу удовольствием.

Девушка полностью утонула в мрачных мыслях. Сосредоточиться на уроке было невозможно. История всегда казалась ей скучной – слишком много дат, – но сегодня этот час тянулся бесконечно. Всё это время она сидела как на иголках, кожей ощущая его присутствие в полуметре от себя.

Под конец урока Ирина Викторовна объявила о контрольной работе на следующем занятии. И поинтересовалась, не нужна ли новичку помощь с материалом.

– Не проблема. Программа знакома, – коротко и уверенно ответил Дмитрий.

Едва учительница вышла, девчонки стайкой окружили новичка, зашебетав наперебой. Парни отнеслись к нему настороженно, присматривались. Нина, не теряя ни секунды, быстро покидала вещи в сумку и выскользнула из класса,

стремясь в своё единственное убежище – на запасную лестницу.

Сидя там, обхватив руками колени, она пыталась осмыслить происходящее. *В каком свете они сейчас обрисовывают ему его новую соседку?* Скорее всего, скоро у неё прибавится ещё один мучитель, и этот, похоже, будет самым страшным. От этой мысли стало невыносимо грустно. Слёзы подступили комом к горлу, и она изо всех сил стиснула зубы. *Ещё немного. Месяц – и каникулы* – отчаянно уговаривала она себя.

Она тянула с возвращением в класс до последнего. Не могла прятаться вечно, но идти обратно не хотелось смертельно.

Вернувшись, она непроизвольно поискала глазами Дмитрия, но его не было. Нина как раз доставала учебник, когда на соседний стул с грохотом плюхнулся Виктор Попов. Он швырнул под парту свою сумку и пару раз со злости её пнул, не переставая что-то бубнить. Нина растерялась.

Всё встало на свои места, когда в дверях появился Дмитрий. Рядом с ним вертелась Вероника, и её поведение было нехарактерным: обычно она никогда не делала первый шаг к парню, но с Дмитрием словно забыла о своей королевской роли. Любой другой был бы на седьмом небе от такого внимания, но новичок лишь отмахивался от неё, как от назойливой мухи.

И теперь Попов, несколько лет бывший тенью Маянской,

её верным «питомцем» и неизменным соседом по парте, внезапно оказался в немилости. Вероника, никогда не отличавшаяся преданностью (Нина знала это лучше всех), освободила место рядом с собой для нового фаворита – красавца-новичка. Такого следовало ожидать.

– Позволь, – тихо, но с такой металлической холодностью в голосе проговорил Дмитрий, обращаясь к Попову. Воздух будто зазвенел инеем. У Нины похолодели пальцы.

– Что? – буркнул Виктор, не поднимая глаз.

Дмитрий не стал повторять. Он просто стоял у парты и смотрел. Тот, наконец, поднял взгляд. Дмитрий медленно скрестил руки на груди. И воздух вокруг них словно сгустился, стал вязким и тяжёлым. Казалось, даже свет в этом углу класса померк. Глаза Дмитрия, ещё недавно тёмно-карие, стали теперь абсолютно чёрными, бездонными, как в тот вечер на набережной. Этот взгляд явно напугал Попова – он побледнел и отвёл глаза первым.

Прозвенел звонок. Виктор, не отрывая растерянного взгляда от Дмитрия, встал, поднял сумку и поплёлся на своё старое место, по пути с раздражением отвесив подзатыльник Сергею Шилову.

– Эй, ты что? – завёлся Сергей.

– Ничего... фиг его знает, – пробурчал Виктор, плюхаясь на стул. Он сам не понимал, что на него нашло – они с Шиловым были лучшими друзьями с начальной школы.

Дмитрий загадочно ухмыльнулся и занял своё место. Ко-

гда его взгляд на мгновение скользнул по Нине, она с удивлением заметила, что его глаза снова стали обычными, карими.

Вероника злобно сощурилась на Нину и в сердцах топнула ногой. *Кто он такой, чтобы отвергать моё предложение? И всё из-за этой дряни, что сидит рядом с ним. Она забыла своё место. Надо напомнить, что бывает с теми, кто встаёт у меня на пути.*

Уроки, наконец, закончились. Весь день Нина не находила себе места, дёргалась и нервничала. От постоянного напряжения даже разболелась голова. Последний урок английского пролетел, как в тумане – хорошо, что её не спросили.

Нина, не мешкая, покидала вещи в сумку и первой выскочила из класса. До дома – минут десять быстрым шагом. Там, за закрытой дверью, она, наконец, сможет выдохнуть. В раздевалке она на ходу накинула куртку, и пока все ещё толпились в коридорах, выбежала за школьные ворота, стараясь не оборачиваться.

Ей казалось, что чей-то тяжёлый, изучающий взгляд провожает её спину до самого поворота.

Глава 5

Утро у Нины не задалось с самого пробуждения. Сначала убежало молоко, потом оторвалась пуговица на блузке. А теперь – это.

По дороге в школу её подстерегла Маянская со своей свитой. Нина как раз проходила небольшую рощу, когда увидела впереди троих парней и двух девушек. Она замедлила шаг, сердце похолодело. Вперёд выступила Вероника.

– Ну, привет, подруга, – нарочито медленно протянула она, тряхнув белокурыми локонами.

Нина замерла. Вероника обошла её кругом, презрительно оглядывая, как акула, высматривающая слабое место.

– Вот смотрю и не понимаю, – цедила она. – Такая плоская, бледная... Напоминаешь дохлую рыбу.

Нина продолжала молчать. Она знала: любое движение, слово, взгляд – и нападение станет только жёстче.

– Всё потому, что она тронутая, – подсказал Егор Сидоров, усмехаясь.

– Эй, я тебя не спрашивала! – взвилась Маянская. – Я ещё не закончила говорить с подругой.

– Упс, сорри, – пробормотал Егор, отступая на шаг.

– Так вот, дорогая, – Вероника снова вплотную приблизилась к Нине, и её голос стал тише, но оттого лишь опаснее. – Запомни. Ты отстанешь от новичка. Не смотри на него

своими пороссячьими глазками, не смей с ним заговаривать. Иначе ты сильно об этом пожалеешь. Он – мой. Даже если сам ещё этого не понял.

Затем она ослепительно улыбнулась, и это было страшнее любой гримасы.

– Я думаю, она всё ещё не понимает, о чём я толкую. Стоит, молчит... Ну и впрямь как дохлая рыба.

Маянская грубо толкнула Нину в направлении парней. Те ухватили её за руки, сжав так, что кости хрустнули. Вероника вырвала у жертвы сумку и вытряхнула содержимое на землю. Нина стиснула зубы, продолжая молчать.

– Блин, тут даже сломать нечего... Я расстроилась, – надула губки Вероника, делая вид, что ей скучно.

Она прошлась по рассыпанным учебникам, наступив каблуком на пенал с характерным хрустом. Потом подняла первую попавшуюся тетрадь и зашвырнула её в кусты. Вторую пнула в сторону Попова.

– Ну и зачем она мне? – проворчал Виктор.

– Ох. Ну за что мне такое наказание? – простонала Вероника, – Раз не нужна – порви и выбрось.

– Понял, – с ухмылкой сказал парень, поднял тетрадь и оторвал обложку.

Он посмотрел на недовольно поджавшую губу Маянскую и разорвал ещё несколько листов, прежде чем швырнуть клочья бумаги под ноги Нине.

– Ну, я надеюсь, ты все поняла? Правда же, подружка моя

дорогая? – мило улыбнулась Вероника. – Ну же, парни, отпустите девушку. Нехорошо так.

Она грациозно махнула рукой и плавной походкой зашагала по дороге. Руки Нины наконец отпустили. Она почувствовала, как колет онемевшие пальцы. Её грубо толкнули в плечо, и вся компания, громко смеясь, прошла прямо по разбросанным вещам, скрываясь за деревьями.

Рвано выдохнув, Нина осела на землю. *Всё ещё не так страшно, как могло бы быть.* Хотя на запястьях, к вечеру проступят синяки. Подняв пустую сумку, она отряхнула её и стала собирать вещи. Карандаши и ручки были сломаны, тетрадь по физике – разорвана, на учебниках и остальных тетрадях красовались отпечатки грязных подошв. На глаза навернулись предательские слёзы и ручейками побежали по щекам. Теперь, когда её никто не видел, она могла себе это позволить. Она всё равно уже опаздывала на первый урок.

Мимо проходила женщина.

– Ты в порядке? Что случилось? – спросила она, остановившись.

– Я просто... упала и рассыпала вещи, – тихо всхлипнув, проговорила Нина.

Женщина, достала из сумки пачку салфеток и протянула ей.

– Держи. Ты точно нигде не ушиблась?

Нина приняла салфетки и закивала.

– Правда, всё в порядке. Спасибо большое.

Женщина вздохнула, покачала головой, ещё раз озадаченно посмотрела на Нину и пошла дальше, несколько раз обернувшись.

Нина собрала в сумку то, что можно было спасти. Осталась тетрадь, закинутая в кусты.

Осторожно вступив в сырую траву, она сразу увидела её. Сделала пару шагов – и почувствовала, как в туфли заливается ледяная вода. *Ну вот, ещё и ноги промочила.* Добравшись до тетради, она взяла её и выбралась на дорогу. *Может, вернуться домой, переодеться?*

Нина стёрла салфетками следы слёз и грязь с сумки, затем повернула обратно. В туфлях противно чавкало.

Мама удивилась, увидев дочь на пороге, но Нина поспешила её успокоить.

– Мам, не волнуйся! Я просто промочила ноги, нечаянно. Сейчас переоденусь и побегу в школу.

– Ох, Нина, ну какая же ты у меня всё-таки растяпа, – покачала головой мама, возвращаясь к утренним делам.

Нина сбросила промокшие туфли, пробежала в комнату и натянула сухие колготки. Немного подумав, она достала из ящика скотч и ножницы и сунула их в сумку, вдруг пригодятся, чтобы склеить хоть что-то из порванного.

– Мам, всё, я в школу! – прокричала девушка, запихивая ступни в ботинки и захлопывая дверь.

Глава 6

– Ивлева, почему отсутствовала на первом уроке? И на второй опоздала? Или математика для тебя неинтересный предмет? – строго отчитывала её Зоя Петровна.

По классу прокатился легкий, довольный смешок. Нина опустила голову, сжалась, нервно стискивая руки. Стоять под насмешливыми взглядами было для неё не впервой, но не сейчас, когда Дмитрий буравил её своим тёмным неотрывным взглядом. Она вздрогнула.

– Простите, я промочила ноги и возвращалась домой переодеться, чтобы не простудиться, – тихо ответила она.

– Ладно, Ивлева, проходи на своё место, – уже мягче проговорила учительница.

На перемене Нина поспешила укрыться в своём убежище. На старом, сломанном школьном стуле, вчера появившемся на площадке, она разложила обрывки растерзанной тетради, осторожно соединила рваные края и начала склеивать их скотчем. Листочек за листочком, будто собирала по кусочкам собственное достоинство.

– Что ты тут делаешь? – раздался над ней густой баритон.

Нина так подскочила от неожиданности, что больно ударилась коленкой о металлическую ножку стула. Послышался противный скрежет по бетону, гулко отразившийся от пустых стен. Девушка шлёпнулась на пыльный пол и вскинула

глаза. Над ней возвышался Дмитрий.

– Я не слышала, как ты подошёл. Ты напугал меня, – тихо выдохнула она.

– Мои какие проблемы? – пробурчал он себе под нос.

– А ты... что здесь делаешь? – осторожно спросила Нина.

– Тебе здесь что, личная территория? Куда хочу, туда иду, – продолжал он ворчать, но без прежней ледяной отстранённости.

Странно, но сейчас в его присутствии Нина нервничала уже не так сильно. Пока его взгляд был прикован к склеенным страницам, она поднялась, наблюдая за ним. На его лице не было привычной маски холодности. Черты лица смягчились, и он выглядел почти обычным парнем – не той статуей из тёмного льда, какой являлся всегда. *Неужели он может быть таким?*

Но стоило ему поднять голову, как Нина тут же отвела взгляд.

– Просто там очень шумно. Думаю, ты здесь по той же причине, – его голос прозвучал тихо и как-то по-особому проникновенно.

Их взгляды встретились, и у девушки перехватило дыхание. Возможно, дело было в том, что его глаза сейчас были тёплого карего оттенка, а не цвета бездонной черноты.

– Что с тетрадью? Пыталась избавиться, но передумала и решила реанимировать? – спросил он.

Нина открыла было рот, чтобы ответить, но внезапно на-

строение Дмитрия переменилось. Он резко отпрянул в сторону.

– Впрочем, мне всё равно. Хотел побыть один, но, похоже, уже не получится.

Он отвернулся и быстрыми шагами спустился по лестнице. Из рекреации на мгновение донёсся гул перемены – и тут же был заглушён резким хлопком закрывшейся двери.

Нина зашла в класс. Отовсюду слышались перешёптывания и смешки, но она уже привыкла их игнорировать. *Потерпеть ещё немного. Последний урок – и этот день закончится.*

Дмитрий подошёл и остановился рядом с ней. Сердце ёкнуло, но она старалась не показывать, насколько это её встревожило.

– Я хотел спросить, – начал он, – Ты, что такая дикая?

Нина встрепенулась. Что вдруг заинтересовало его в её поведении.

– Я не дикая, – тихо проговорила она.

Он опустился на стул рядом и наклонился, чтобы заглянуть ей в глаза. Она инстинктивно захотела отпрянуть, но Дмитрий, будто зная её намерение, схватил за руку и удержал на месте.

Его пальцы были обжигающе горячими – или это она сама отвыкла от любого прикосновения? Она попыталась вырваться, но он не позволил.

– Так и знал, что попытаешься удрать, – проговорил он.

– Пожалуйста, – зашептала девушка, с опаской озираясь на одноклассников, – не обращай на меня внимания. Только хуже будет.

Но было уже поздно. Все взгляды в классе были прикованы к ним. Нине захотелось сквозь землю провалиться. *В преисподней, наверное, комфортнее, чем здесь.* Зачем он это делает? Зачем снова выставил её на всеобщее обозрение? Она отвернулась.

– Да чего ты так меня боишься? Я же не сделал тебе ничего плохого, – произнёс он, и в его голосе вдруг прозвучала обида.

Как ему объяснить, что за каждую секунду его внимания к «персоне нон грата» расплачиваться придется именно ей, а не ему?

– Пожалуйста, оставь меня в покое. Представь, что меня нет, – шёпотом умоляла Нина.

Она чувствовала, что вот-вот расплачется, и снова попыталась высвободить руку. Он пристально смотрел в её глаза – они уже блестели от слёз, готовых хлынуть. И он сдался, разжал пальцы.

– Ну, хорошо. Я не знаю, чего ты так боишься. Но мы с тобой не закончили, – отворачиваясь, проговорил он.

Его радужку заволокли тёмные волны, пока она не превратилась в абсолютную чёрную бездну. Нина почувствовала, как её обдало волной нестерпимого, исходящего от него жара. Но он будто взял себя в руки – и всё прошло. *Может,*

показалось?

«Кто бы сказал ему, что и это уже слишком», – горько
подумала она.

Глава 7

После уроков Ирина Викторовна задержала Дмитрия – нужно было уточнить детали его перевода. Нина даже обрадовалась этому и постаралась покинуть школу как можно быстрее. Сейчас нельзя было попасть в руки Маянской, ни за что.

Быстрым шагом Нина удалялась от здания.

– Эй, тронутая! – донёсся чей-то окрик.

Нина обернулась и побледнела. К ней вальяжно приближались пятеро парней и три девочки во главе с Вероникой. Она сразу поняла, чего от неё хотят.

– Да когда же ты отвяжешься от новенького? Достала уже! Человеческого языка не понимаешь? Прицепилась – не отодрать! А я ведь по-хорошему хотела! – заорала Маянская, стремительно сокращая расстояние.

Нина молчала. Она втянула голову в плечи, опустив глаза. *И догнала, и группу поддержки притащила.* Они окружили её, посмеиваясь, потирая руки в предвкушении.

– Последний раз предупреждаю: отстань от Дмитрия! – шипела Вероника, тыкая острым, идеально подпиленным ноготком ей в ключицу. – Не твоего уровня парень!

Знала бы она, кто к кому вообще пристаёт... Но что такого сделала Нина? Это он заговорил с ней, это все видели! Почему же во всём продолжают винить только её?

– Да ты, дура чокнутая! Тебе место в психушке! Ты с нормальными людьми говорить разучилась! Может, сдохнешь уже, тронутая? – продолжала вопить Вероника.

Она резко толкнула Нину, и та, отшатнувшись, врезалась спиной в Попова. Тот отпихнул её, словно прокажённую. Девушка упала в другие руки. Ремешок соскользнул с плеча, и многострадальная сумка с тихим шлепком плюхнулась на асфальт.

Мучители принялись толкать, тыкать, швырять Нину друг другу, сопровождая это градом оскорблений. Она несколько раз падала, но её грубо поднимали, протаскивая по асфальту, как наждак. Дёргали так, что суставы хрустели. Капроновые колготки превратились в лохмотья, содранную на коленях кожу жгло и саднило. Нина сосредоточилась на одном – не заплакать. *Должно же это когда-нибудь закончиться.*

Но от боли и унижения непрошенные слёзы брызнули из глаз. Одноклассники, насмехаясь, продолжали швырять её, словно тряпичную куклу. Она уже не понимала, в чьи руки попадала. Голова кружилась, начало тошнить. Волосы растрепались, мокрые пряди липли к лицу и шее.

«Ангел мой, помоги мне... пожалуйста. Пережить это», – взмолилась Нина про себя.

Вдруг безумная тряска резко прекратилась. Её плечи сжали сильные, обжигающие ладони – если б не они, Нина бы в который раз распласталась на земле.

– Что тут происходит? – раздался спокойный, чёткий голос.

Это были руки Дмитрия, крепко державшего её. Нину мутило, в ушах гудело. Ещё немного – и её бы вырвало. Она подняла взгляд на своего внезапного спасителя. *Кто бы мог подумать...* Его глаза сейчас были чернее самой глубокой тьмы. Никто из ребят, кажется, не воспринимал это всерьёз, но Нина чувствовала – сейчас он в безумной, сдерживаемой силой воли ярости. С ним в этот момент шутить было смертельно опасно. Она ощущала, как его пальцы слегка подрагивают.

– Да всё в порядке! Просто решили побеседовать немного с моей подругой, – замурлыкала Вероника сладким голосом.

Дмитрий перевёл на неё взгляд – и Нина увидела, как та резко вздрогнула. Кровь отхлынула от её красивого лица, нижняя губа слегка задрожала.

– Это всё Попов! Я пыталась его остановить, правда! – начала оправдываться Маянская.

– Я-то? – взвизгнул Виктор. – Это ты сама сказала догнать её после школы и хорошенько проучить!

– Вовсе я такого не говорила! – испуганно упорствовала Вероника.

Они начали перепалку, и к ней моментально присоединились остальные. Ещё недавно сплочённая команда рассыпалась. Теперь каждый был сам за себя. Нина не могла уловить суть внезапно вспыхнувшей свары. *Когда всё успело так из-*

мениться?

Попов набросился на Шилова и повалил его на землю. Они катались в пыли, мутузя друг друга кулаками. Маянская сцепилась с Серебряковой – царапались, таскали за волосы. Остальные попытались растащить их, но втянулись сами.

Дмитрий отступил в сторону, не выпуская Нину. Он наблюдал за этой сценой со зловещей, почти блаженной улыбкой. В его чёрных глазах словно пылало адское пламя. Он наслаждался этим, будто впитывал тёмную энергию их злобы. Всё было до боли похоже на ту ссору в Ярославле. Неужели и тогда всё могло кончиться так же, если бы она не отвлекла его внимание?

Нина хотела уйти. Несмотря на то, что эти ребята только что издевались над ней, она не могла смотреть, как они избивают друг друга. Кроме того, её плечи отчаянно горели, хотя она их точно не ранила. Она попыталась вырываться из сжимающих её рук – и Дмитрий отпустил.

Нина подняла сумку, и повернулась уходить, но вдруг остановилась и обернулась. А что, если её подозрения верны? Что если вся эта драка – дело его рук? *Да понимаю же, что это невозможно... И всё-таки...*

Она взглянула на Дмитрия. Скрестив руки на груди, он с той же улыбкой продолжал наблюдать.

«Надо остановить это» – подумала Нина.

Нерешительно она вернулась, дёрнула Дмитрия за рукав. Он отвлёкся и сердито взглянул на неё. Она испугалась,

но не отступила.

– Хватит. Пожалуйста, оставь их. Давай уйдем отсюда, – прошептала она.

На его лице мелькнуло выражение крайнего удивления. Он замер, потом кивнул, схватил её за руку и рывком потянул прочь. Его ладонь, даже через толстую ткань джемпера причиняла нестерпимую боль – жгла и давила, будто это были не пальцы, а раскалённые тиски.

Одноклассники сразу же перестали драться. Атмосфера вокруг изменилась: будто вернулись звуки, а воздух перестал быть тяжёлым и густым. Ребята стонали, катаясь по земле. Вероника, растрёпанная и помятая, ныла над сломанным в пылу драки ногтем – тем самым, которым недавно тыкала в Нину.

Как только они отошли достаточно далеко, Дмитрий отпустил её руку. Кожу под тканью жгло и щипало.

– Почему ты так сказала? – резко повернулся он к Нине. Девушка вздрогнула и невольно отступила на шаг. Его глаза словно пылали холодным огнём.

– Что... сказала? – не поняла Нина.

– Ты сказала «оставь их»! Если ты успела заметить, я их даже пальцем не тронул! – в его голосе проступили нотки возмущения.

Нина скептически сдвинула брови. Внезапно она разозлилась. *Сколько можно бояться?!*

– А ты сам-то уверен, что не при чём? – спросила она и,

не дожидаясь ответа, направилась к дому.

Ей было неприятно даже находиться рядом с ним. Доказательств не было, но она была уверена.

Внезапно она резко остановилась и вернулась.

– Значит, это тоже не твоих рук дело? – на удивление спокойно произнесла она.

Она оттянула рукав джемпера до локтя и вытянула перед Дмитрием руку. На коже, будто клеймо, красовался ярко-красный отпечаток его пальцев.

Дмитрий молчал, его взгляд застыл на ожоге.

– Ну и ладно, – проговорила девушка, поправила рукав и быстрым шагом направилась к дому.

«Хоть бы он оставил меня в покое. Пожалуйста, пусть он... догонит меня» – думала она, почти молясь.

Но Дмитрий остался стоять там, где она его оставила. Он долго смотрел ей вслед. Его лицо было нечитаемо, но в чёрных глазах, постепенно возвращавших карий оттенок, плескалось что-то новое – не ярость, не насмешка, а глубокая, сосредоточенная задумчивость.

Глава 8

Вечером, приняв душ, Нина надела пижаму. Она прошла на кухню, порылась в аптечке, нашла мазь от ожогов и нанесла её на воспалённую кожу – надеясь, что волдырей не будет. Отпечаток заметно побледнел, но всё ещё был глухой, настырной болью.

Сегодня мама ушла в рейс, так что на ближайшие две ночи Нине предстояло справляться одной. Привычно – ведь это продолжается уже много лет. Но девушка всё равно боялась оставаться одна в ночной тишине.

Она забралась под одеяло и около часа ворочалась, не в силах уснуть. Перед глазами снова и снова всплывали события этого тяжёлого дня. Давно Маянская с компанией не набрасывалась на неё с такой яростью, тем более, дважды за сутки. Оставалось только надеяться, что всё утихнет, и она снова станет невидимкой. Иначе придётся уйти на больничный до конца года – лишь бы эта война прекратилась.

Рыжая кошка Муська, услышав, как она ворочается, тихо подкралась и устроилась сверху на одеяле. Нина провела ладонью по её мягкой тёплой шкурке, и кошка заурчала, как трактор. Это убаюкивающее мурлыканье, наконец, успокоило девушку, и она заснула.

В середине ночи внезапное гневное шипение Муськи разбудило Нину. Кошка выгнулась дугой и, не отрываясь, смот-

рела в угол, где стояло небольшое кресло – то самое, в котором Нина обычно читала. Стоило ей пошевелиться, как кошка соскочила с кровати и, громко фыркая, унеслась из комнаты.

Нина села. Тусклый свет фонарей с улицы мягко освещал комнату. В кресле застыла тёмная фигура, очертания которой были ей до боли знакомы. Длинные волосы, спадающие на глаза, широкие плечи... Она узнала Дмитрия, но как он мог оказаться в её комнате? Ужас сковал всё её тело.

«Наверное, сплю. И мне всё это снится» – подумала девушка. Она провела пальцами по глазам, смахивая сонливость, а когда открыла их вновь, кресло оказалось пустым. Невольная дрожь пробежала по телу. Неужели она так часто думает о нём, что он уже стал мерещиться?

Но спать больше не хотелось. Она позвала Муську, но кошка и не думала возвращаться. Откинувшись на подушки, Нина уставилась в потолок. *«Спать. Быстрее спать, а то завтра ещё и под глазами будут синяки»*. Но сон не шёл. Она несколько раз возвращалась взглядом к пустому креслу и, тихо вздохнув, выскользнула из постели, чтобы включить торшер рядом с ним.

Наутро, вчерашние обидчики пришли на занятия, мягко говоря, помятыми. У Попова под глазом сиял фонарь, на скуле – содрана кожа. У Шилова разбита губа, а на лбу красовалась здоровенная шишка. Ещё трое из компании бы-

ли основательно исцарапаны. На лице Серебряковой – толстый слой тонального крема. Вероника Маянская вообще в школу не явилась.

Когда Нина вошла в класс, все дружно отвернулись, старательно делая вид, что её не заметили. Уроки прошли на удивление спокойно.

Дмитрий в школе так и не появился. *«Неужели он вместе с Маянской?»* мелькнула мысль. *«Да какая разница. Тем лучше»* – тут же отрезала она сама себя.

Нина вышла из ворот школы и направилась к дому привычным маршрутом, как вдруг позади послышался приближающийся рокот мотора. Она не обратила на это внимания – здесь часто проезжали машины, – но звук остановился рядом с ней, продолжая мерно порывивать.

Девушка с любопытством обернулась. На расстоянии вытянутой руки замер блестящий чёрный мотоцикл. Через весь его корпус были прочерчены красные линии, напоминающие языки пламени. Сбоку крупными белыми буквами выведено: «HONDA». А на мотоцикле в кожаной куртке и чёрных брюках сидел парень.

– Садись, – послышалось из-под шлема.

Ведь это он не ко мне... – Нина оглянулась по сторонам.

Ребята, выходящие из школы, с любопытством смотрели в их сторону. Мотоциклист снял шлем, встряхнул волосами. На кожаном сиденье, широко расставив ноги, сидел Дмитрий.

– Садись. Сейчас же, – его низкий баритон вызвал у неё произвольную дрожь.

– Я не сяду на это, – отступая, прошептала девушка.

– Ещё как сядешь, – угрожающе бросил он и одним движением выхватил её сумку, закинув себе через плечо.

Нина медлила. Почему она должна с ним куда-то ехать? Один его взгляд пугал её до дрожи. А теперь он собрался её увезти.

– Ты всё ещё меня боишься? – внезапно спросил он.

– Да. Боюсь, – честно ответила Нина, чувствуя, как подкашиваются ноги.

Он не смог удержаться от смешка. *Чем его так позабавил мой ответ?*

– Умница, девочка. Всё правильно делаешь – бойся меня, – смех резко оборвался и его тон стал ледяным, почти металлическим. – А теперь садись. Быстрее! Люди смотрят.

Нина обернулась. Полкласса уже стояло у ворот и пристально следило за их перепалкой. Дмитрий тяжело вздохнул.

– Ну почему всё нужно делать самому? – Он рывком развернул Нину к себе, натянул на её голову свой шлем, потянул за собой – и Нине ничего не оставалось, кроме как перекинуть ногу через сидение и вцепиться пальцами в его куртку.

– Сам-то как без шлема? – спросила Нина, едва выговаривая слова.

– Только не говори, что переживаешь за меня, – саркасти-

чески заметил он. — Держись крепче.

Мотоцикл взревел и дёрнулся с места. В последний момент Нина успела судорожно обхватить руками его торс и прижаться к спине. Дмитрий намеренно медленно проехал мимо одноклассников, наблюдавших за этой сценой с разинутыми ртами.

«Куда он меня везёт?» — спрашивала себя Нина, глядя на мелькающие улицы. Постепенно она стала понимать: он везёт её... домой? Отчего-то девушке даже стало немного обидно. Неужели ей и вправду хотелось, чтобы он увёз её куда-нибудь далеко? В том, что он с каждым днём волнует её всё больше, она боялась признаться даже самой себе.

— Приехали, — проговорил он.

Только тогда до Нины дошло, что они остановились у её подъезда, а она до сих пор обнимает его. Поспешно отдёргнув руки, она слезла с сиденья.

— Спасибо, что подвёз, — проговорила она, стаскивая шлем и протягивая ему.

Дмитрий выключил мотор, повесил шлем на рукоятку.

— Да ладно, — холодно ответил он.

— Почему тебя сегодня в школе не было? — спросила девушка, просто для того, чтобы не молчать.

«Врёшь сама себе. Ты спросила, потому что тебе интересно, где он был», — проворчал внутренний голос.

— Проспал, — просто ответил он, — ну что, сегодня, как я погляжу, тебе не понадобилась помощь рыцаря?

– Да, сегодня всё было спокойно, – согласилась Нина, пригладивая волосы.

Дмитрий поставил мотоцикл на подножку, перекинул ногу через сиденье и шагнул к ней. Нина чувствовала, что он хочет что-то спросить, но он молчал.

– Как твоя рука? – наконец решился он.

– В порядке, – ответила она.

Он, не спрашивая разрешения, взял её руку и отогнул рукав. Под ним оказался туго обмотанный бинт.

– Что, всё так плохо? – спросил он, однако в его голосе не было ни нотки сочувствия.

– А ты хотел, чтобы кто-то случайно заметил отпечаток твоей руки? – съязвила Нина. *«Неужели это я сказала?»* – она и сама удивилась.

– Очень остроумно, – проговорил он, резко бросив её руку. – Что ты имеешь в виду?

– Я имею в виду, что сначала ты каким-то непостижимым образом заставил одноклассников подражаться, просто смотря на них, а потом от прикосновения твоей руки у меня на коже остался ожог, – сверкнула глазами Нина.

– У меня была температура, – отрезал он.

– Градусов шестьдесят? Ты издеваешься? – возмутилась девушка.

– А ты довольно проницательна, – от его голоса повеяло холодом.

– Как ты это делаешь? – Нина не смогла сдержать любо-

пытства.

– Не твоё дело, – пробурчал Дмитрий и резко шагнул к ней.

Нина замерла, но он просто надел ей на плечо её сумку, резко развернулся, сел на мотоцикл, и, надев шлем, уехал, оставив её стоять. Одну у подъезда с горящими щеками и странной щемящей пустотой внутри.

Глава 9

Май пролетел незаметно. Каждый день стал похож на предыдущий. Сегодня казалось отражением вчера, даже воздух вокруг был будто бы вчерашним, усталым, словно уже неоднократно выдохнутым. По утрам Дмитрий молча заходил в класс, садился рядом с Ниной. Он не смотрел на неё. После того разговора у подъезда он больше не пытался заговорить. Казалось, Нина заранее знала, что будет дальше, — будто проживала этот день уже не раз.

Ты ведь об этом и мечтала?!

Одноклассники тоже перестали к ней цепляться, особенно в его присутствии. Раз девушка перестала его интересоваться, и снова стала невидимкой, они, наконец, успокоились. Так почему же она места себе не находила? Нина не понимала, почему он вдруг начал её игнорировать.

Она всегда с большим нетерпением ждала летних каникул, но сейчас... внутри было пусто и беспокойно. Она не могла сосредоточиться на годовых контрольных работах и экзаменах. Даже мама заметила, как снизилась её успеваемость.

Каждый год в начале летних каникул, одноклассники собирались вместе на природе. Нину, конечно же, не приглашали... Никогда. Вот и сейчас они уже строили планы. На перемене к Дмитрию подошёл Серёга Шилов.

– У тебя какие планы на выходные?

– А что? – Дмитрий поднял на него тяжелый, отстранённый взгляд.

– Обычно мы всем классом выбираемся на природу, чаще всего ко мне на дачу. Так что приглашаю. Будет возможность поближе со всеми познакомиться, в неформальной обстановке, – предложил Сергей.

– Интересно, – проговорил Дмитрий и вдруг повернулся к Нине. – Ты едешь?

У неё сердце ухнуло вниз и отчаянно забилось где-то в пятках. Как давно он не то чтобы не заговаривал с ней – даже не смотрел в её сторону. Девушка потеряла дар речи. Как сказать ему, что именно ей, как раз, посещать подобные мероприятия не дозволено? *«Смеешься? Ты до сих пор не понял? Я же изгой!»* – захотелось закричать ей. Но Сергей такой возможности ей не дал:

– Э-э... обычно Ивлева с нами не ходит, – произнес он грубо и категорично.

Спасибо хоть не сказал «тронутая» – Нина отвернулась к окну.

– Тогда и я не пойду, – отрезал Дмитрий и уткнулся взглядом в книгу.

– Да ладно! Из-за какой-то девчонки? Будет весело!

Дмитрий молчал. Но Шилов не думал сдаваться.

– Пойдем, Дим! У нас девчонки – хоть куда! Да и ты парень классный. Не трать время на эту ... – он не договорил,

но смысл был предельно ясен.

Всё. Приплыли...

Совершенно раздавленная, Нина поднялась и поспешно вышла из класса. Она чувствовала, как на глаза наворачиваются предательские слёзы. Да что с ней такое? Раньше Нина не позволяла себе плакать, чтобы ни случилось. А теперь... Из-за какой-то ерунды... Слёзы уже струились по щекам горячими ручьями. Она бежала в своё маленькое убежище. Давно не заходила туда. С последнего посещения там появился старый учительский стол – видимо, вынесли временно, пока не выбросить. Она села на него и закрыла глаза руками. *Конечно, глупо. Реветь непозволительно.* Нина злилась на себя, но остановиться не могла.

Хлопнула дверь. Сейчас ей было почти всё равно, кто вошёл. *«Когда это я стала такой нюней?»* – злилась она на себя.

Рядом послышался тяжёлый, знакомый вздох. Нина сразу поняла, кто это. *«Ну, нет. Кто угодно, только не он».* Она отвернулась, не желая, чтобы он видел её заплаканной. Тяжёлые горячие руки опустились на её плечи.

Неужели он умеет сочувствовать? Но лучше бы он этого не делал... Если до этого момента она хоть как-то пыталась сдерживаться, то теперь плотину прорвало. Все годами копившиеся эмоции, вся боль и обида, сметая все затворы, рвалась наружу. Тело вздрагивало от рыданий, нос хлюпал, в горле стоял ком.

Дмитрий, неожиданно для них обоих, притянул её к груди. И вот – его джемпер заглушил её плач. Он ничего не говорил. Одна его рука легла на её затылок, другая мягко поглаживала спину.

А с ним-то что такое?! Он сам не понимал, зачем продолжает ходить в эту школу, зачем стоит здесь сейчас, зачем успокаивает эту девчонку. Ему вообще здесь не место. Его давно уже не должно здесь быть.

Нина тоже чувствовала себя странно. Когда они успели стать так близки? Находиться в его обжигающих объятиях было так... естественно. И в то же время – невероятно странно. Ритмичные удары его сердца постепенно успокаивали её. Но он не торопился отпускать.

Она затихла.

– Прости... Ты не должен был этого видеть, – прошептала Нина. – Обычно такого я в школе себе не позволяю.

– Только в школе? – недовольно буркнул он. – Уж лучше я, чем кто-то другой.

Нина не ответила.

– Хорошо, что ты не пользуешься косметикой. А то боюсь, мой свитер было бы уже не воскресить, – проговорил Дмитрий, глядя на влажные пятна на своей груди.

«Он серьезно, или пытается разрядить обстановку?» – подумала она.

Странно, но это сработало. Нина улыбнулась. *Как я раньше могла думать, что он – маньяк!?*

Только сейчас она поняла, что в школе стало слишком тихо.

– Мы опоздали на урок! – встрепелась девушка, пытаюсь соскочить со стола, но лишь придвинулась ещё ближе к нему.

Его бёдра оказались между её коленями. Только сейчас она спохватилась и обратила внимание на то, в какой близкой – даже провокационной – позе они находятся. Но Дмитрий и не думал отступать.

– Ну и что? Ты разве никогда не прогуливала уроки? – он выглядел спокойным.

– Нет, – покраснела Нина.

– Один раз можно. Не переживай.

Она кивнула. *Неужели его руки до сих пор на моей спине? Это так... приятно. Чувствовать себя под защитой. Впервые меня кто-то успокаивает, кроме мамы. Вот только жарко... очень жарко. Почему он такой горячий? Опять температура?*

Нина подняла взгляд и встревоженно посмотрела на него. Никогда она не сможет спокойно смотреть на это лицо. Каждый раз сердце начинает колотиться как ненормальное, дыхание сбивается. Его карие глаза неотрывно, даже жадно, смотрели на неё. Плавающие пальцы нежно стёрли солёные дорожки на её щеках.

Что же это с ним такое? Нина действительно не понимала, что происходит. Две последние недели, он даже не смот-

рел на неё, а сейчас... И этот его взгляд...

– Ты как себя чувствуешь? – тихо спросила она. Внешне он выглядел как всегда.

– Я прекрасно! А ты? – непонимающе ответил Дмитрий.

– Ты какой-то раскаленный. Того и гляди, закипишь, – прошептала Нина.

– Не переживай. Я всегда такой, – так же шёпотом ответил он.

Девушка подняла руку и приложила ладонь к его лбу. Он вздрогнул. Определённо, у него опять повышенная температура.

– Тебе надо в медпункт. Ты весь горишь!

– Нина, я в порядке. Просто не обращай внимания.

Почему он внезапно рассердился? Ему не нравится, когда она за него волнуется? Она отстранилась. Дмитрий разжал руки – и девушка сразу почувствовала холод и одиночество. *Нет, не хочу сейчас с ним ссориться. Наверное, не стоило прикасаться...*

Его глаза начали стремительно темнеть, радужка сливалась со зрачком в единое тёмное озеро. Нина не могла ответить взгляд. Подобного она никогда не наблюдала так близко.

– Хорошо, прости. Я волнуюсь за тебя.

Он вздохнул, прикрыл глаза, а когда вновь взглянул на неё, они снова приобрели тёплый коричневый оттенок.

– Не обижайся, – попросила Нина.

– Не буду, – пообещал он.

– Тебе никогда не говорили, что у тебя удивительные глаза? – неожиданно для себя тихо проговорила девушка.

– Я вообще весь удивительный, – попытался отшутиться он.

– Это точно. А ещё очень скромный.

Он рассмеялся.

– Наконец-то. Такая ты мне больше нравишься. Никогда раньше не утешал человека.

– У тебя неплохо получается, – потупив взгляд, тихо произнесла Нина.

Они немного помолчали.

– Так ты расскажешь мне, почему у тебя глаза то карие, то совсем чёрные? – она правда пыталась удержать язык за зубами, но не получилось. Слова вырвались сами собой. Она мысленно наступала себе по губам.

Ну вот, сейчас он снова разозлится.

– Это не тайна. У меня глаза-хамелеоны. Не такое уж и редкое явление. Цвет зависит от настроения: когда я в хорошем расположении духа – они карие, когда начинаю сердиться – темнеют. Иногда кажутся черными, – ответил он ровным тоном.

Неужели? – Нина облегчённо выдохнула. Значит, во всём этом нет ничего потустороннего?

– Значит, если глаза у тебя становятся чёрными, мне лучше держаться от тебя подальше? – спросила она.

– Тебе – нет. Тебя я не обижу. Но вот другим... лучше

было бы оказаться на другом конце света. Не ручаюсь за своё поведение в такие моменты.

– Почему ты так говоришь? Почему так ко мне относишься? – сглотнула она.

– Ты особенная, – его голос прозвучал настолько невнятно, что Нина не была уверена, что расслышала правильно.

– Я? Особенная? – переспросила она.

– Напрашиваешься на комплименты? – его губы лениво растянулись в улыбке.

Как же ловко у него получается уходить от ответа. Порой ей начинало казаться, что она его совсем не понимает.

– Почему ты не едешь с ребятами на шашлыки? Там, наверняка, будет интересно. Да, и как раз можешь лучше узнать их, – мрачно проговорила она.

«Я не хочу быть препятствием. Если он хочет – пусть едет» – подумала она. – *«Ну, ты же хочешь, чтобы он остался с тобой. Признайся!»* – спорил внутренний голос.

– Только с тобой. Если не едешь ты – мне там делать нечего, – безапелляционным тоном заявил Дмитрий.

От облегчения девушка глубоко вздохнула. Ещё утром они были чужими, а теперь... оказались так близки, болтали, как хорошие друзья. Нина подняла на него взгляд и утонула в тёплом бархате его глаз.

Внезапно ей вспомнился давно забытый случай. Такой же взгляд. Такие же обжигающие объятия. Вот только тогда она потеряла сознание...

Резкий звонок заставил её вздрогнуть, выдернув из воспоминаний. Неужели урок уже закончился? Дмитрий помог Нине спуститься со столешницы, поддерживая за руку. Её пальцы на мгновение задержались в его ладони.

И всё-таки... у него была температура.

В столовой Нину ждал неожиданный поворот. Пока она с подносом в руках пробиралась вдоль столов, занятых ребятами, её окликнули.

– Ивлева! Садись тут, место свободно!

Она оглянулась. Сергей Шилов махал ей рукой. *Что происходит?* – испугалась она. Неужели всё начнётся заново? Они не могли не заметить, что их с Дмитрием не было целый урок. Легкая дрожь пробежала по спине, отозвавшись слабостью в ногах.

Зачем? Но Дмитрий сидел за те же столом. Нерешительно Нина двинулась в их сторону и присела на самый край скамьи рядом с Поповым – единственное свободное место. Дмитрий сидел напротив, увлечённо пережёвывая котлету. Все оживлённо переговаривались, а Нина никак не могла отойти от шока. Она ждала подвоха: вот сейчас Виктор «случайно» уронит еду ей на брюки, вот сейчас обольёт горячим чаем... Но ничего не происходило. А она уже внутренне сжалась, готовая к удару.

– ... правда, Нин?

Только услышав своё имя, она поняла, что пропустила

что-то важное. Все смотрели на неё выжидающе.

– А? – переспросила она, ожидая, что вот-вот её назовут «тронутой».

– Я спрашиваю, ты ведь не думаешь забить на всеобщую поездку на шашлыки? Обычно девчонки готовят что-нибудь вкусненькое, ну а мы, парни, занимаемся дичью и напитками. Ну, так что?... – Шилов улыбался, но в его улыбке читалось скорее смущение, чем дружелюбие.

Нина растерялась. Что отвечать? Она переводила взгляд с Серебряковой на Шилова, на Савельеву, потом на Попова и, наконец, на Маянскую. Та упрямо поджала губы, но молчала. Нина чувствовала её злость, ненависть, раздражение. В глазах горел немой вызов: *Только посмей согласиться!..*

– Хорошо... я что-нибудь приготовлю, – Нина натянуто улыбнулась.

Шилов довольно откинулся на лавке.

Они опять что-то задумали... Ей было страшно. Очень страшно. Но Дмитрий смотрел на неё через стол, и в уголках его губ, казалось, играла едва заметная улыбка. *Что вообще происходит?*

Глава 10

В назначенный день утром Нина была уже в полной боевой готовности. Накануне вечером она испекла пиццу, не переставая сомневаться в происходящем и в своём выборе. Она боялась, что это – очередной способ поиздеваться над ней.

«Не делай этого. Спрячься. Здесь хорошо, безопасно, все знакомо!» – кричал один внутренний голос. *«Хватит прятаться. Хватит быть тенью. Пора стать сильнее»* – твердил другой. Это было страшно. Но она должна была показать одноклассникам, что им не удалось до конца сломить её.

И вот пицца, аккуратно упакованная в большой контейнер, лежала в рюкзаке. Она долго выбирала что надеть, перекопала весь шкаф и остановилась на светло голубых джинсах и нежной белой футболке с незатейливым рисунком. Прихватила джинсовую куртку. Волосы заплела в косу и натянула белую бейсболку.

На улице просигналили. Нина выскочила на балкон. Как она и думала – у подъезда на своем чёрном мотоцикле сидел Дмитрий. Он заметил девушку и махнул рукой, чтобы та поторопилась.

– Это за тобой? – проговорила мама Нины, остановившись рядом и взглянув вниз.

– Похоже, да, – ответила девушка.

Дмитрий снова помахал рукой. Нина развернулась и нерешительно вошла в комнату. Только что она была уверена, но когда время пришло – внезапно испугалась.

– Мам... может мне не ехать? – в полном замешательстве спросила девушка.

– Да ты что? – всплеснула руками мама. – Обязательно езжай! Вот только этого мальчика... я его раньше не видела.

Мама всегда такая... переживает. Она хоть и жаждет «вытолкнуть» свою затворницу-дочь на встречу с одноклассниками, но Нина знала, насколько та не доверяет незнакомцам и подобному средству передвижения.

– Мам, это Дмитрий. Он новичок в нашем классе. На самом деле он... очень хороший, – поспешно ответила она.

«Ты сама-то уверена, что он хороший? Кто угодно, только не он!» – зудел внутренний голос. Но Нина проигнорировала его.

– Ну, тогда, думаю, всё в порядке. Беги, не заставляй мальчика ждать!

Девушка прошла в коридор, надела белые кроссовки. Внутри неё шла борьба. Большая часть хотела остаться дома. Вторая – упорно не желала сдаваться. Она докажет: *Растоптать её, Нину, не так-то просто.* Она выпрямилась и закинула за спину рюкзак.

– Тебя во сколько ждать? – спросила мама, когда дочь уже выходила за порог.

– Если честно, не знаю. Смотря, как получится. Мамуль,

если что – я на телефоне. Начнешь переживать – звони.

– Даже и не подумаю! Развлекайся, отдохни хорошенько!

В полном смятении Нина обернулась и обняла мать. И всё-таки, она совершенно ни в чём не была уверена. Мама похлопала дочь по спине, отступила и тихо прикрыла дверь.

Неторопливо девушка спустилась с лестницы. *Ещё есть возможность передумать.* «Трусиха!» – насмешливо пропел внутренний голос. И она, вздохнув, шагнула на улицу.

Дмитрий терпеливо ждал у мотоцикла. Нина подошла и остановилась рядом.

– Привет, – промолвила она.

– Привет. Что-то ты долго. Давай запрыгивай. – Он посмотрел на неё и протянул сверкающий тёмно-красный мотоциклетный шлем.

Нина замешкалась. Тогда он сам снял с неё бейсболку, забросил в рюкзак и нахлобучил ей на голову шлем. Похлопал ладонью по сидению за собой.

– Ждешь особого приглашения?

Пока она усаживалась, он завёл двигатель. Равномерный низкий рокот разнёсся по двору.

– Ну что, поехали?

Прижавшись к спине Дмитрия, Нина обхватила его руками, и мотоцикл плавно покатился по дороге, постепенно набирая скорость. Мимо проносились встречные машины, превращаясь в размытые пятна. Голова закружилась, и она ещё теснее приникла к нему.

На светофоре он остановился и обернулся.

– Всё хорошо?

Девушка кивнула и попросила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.